

Научная статья

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-27-36

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В НАУЧНОЙ ПРОЗЕ А. Х. ВОСТОКОВА

Орехова Е. Н.^{1*}, Топтыгина О. Н.²

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

²Российская таможенная академия, г. Люберцы, Российская Федерация

Корреспондирующий автор, e-mail: toptygina@gmail.com

Поступила в редакцию 27.04.2026

Принята к публикации 30.04.2026

Аннотация

Цель. Обосновать стилеобразующий и текстообразующий потенциал категории субъективной модальности в научной прозе А. Х. Востокова.

Процедура и методы. В работе описаны типовые субъективно-модальные значения научного текста А. Х. Востокова, проанализированы разноуровневые средства выражения субъективной модальности в научном лингвистическом тексте, в их числе вводные слова и предложения, вопросительные высказывания, модусные рамки. В исследовании применялся структурно-семантический метод, использовались методы наблюдения, обобщения, логико-семантического анализа.

Результаты. Изучение научных произведений А. Х. Востокова позволило выделить продуктивные субъективные значения в модальном поле изучаемых текстов, а также охарактеризовать группы модальных операторов, с помощью которых вербализуется субъективное отношение автора – создателя научного произведения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представления о стилеобразующих свойствах научной речи, а также о категории субъективной модальности.

Ключевые слова: идиостиль, научный текст, стиль, субъективная модальность, субъективное отношение

Для цитирования:

Орехова Е. Н., Топтыгина О. Н. Субъективная модальность в научной прозе А. Х. Востокова // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 27–36. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-27-36>.

Original research article

SUBJECTIVE MODALITY IN A. Kh. VOSTOKOV'S SCIENTIFIC PROSE

E. Orekhova^{1*}, O. Toptygina

¹Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

²Russian Customs Academy, Moscow Region, Lyubertsy, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: toptygina@gmail.com

Received by editorial office 27.04.2025

Accepted for publication 30.04.2025

Abstract

Aim. To substantiate the style-forming and text-forming potential of the category of subjective modality in the scientific prose of A. Kh. Vostokov.

Methodology. The typical subjective-modal meanings of A. Kh. Vostokov's scientific text is described and the multi-level means of expressing subjective modality in scientific linguistic text, including introductory words and sentences, interrogative statements, and modus frames, are analysed. The study used the structural-semantic method, as well as methods of observation, generalisation, and logical-semantic analysis.

Results. The study of A. Kh. Vostokov's scientific works helps to identify productive subjective meanings in the modal field of the studied texts and to characterise the groups of modal operators that are used to verbalise the subjective attitude of the author who created the scientific work.

Research implications. The research results expand our understanding of the style-forming properties of scientific speech, as well as the category of subjective modality.

Keywords: idiosyle, scientific text, style, subjective modality, subjective attitude

For citation:

Orekhova, E. N. & Toptygina, O. N. (2026). Subjective Modality in A. Kh. Vostokov's Scientific Prose. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 27–36. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-27-36>.

Введение

Субъективная модальность – важная функционально-семантическая категория русского языка, связанная с выражением личного отношения говорящего к содержанию высказывания в разных аспектах: достоверности / недостоверности, эвиденциальности, обычности, в эмоциональном, фатическом и логическом аспектах. Разнообразны средства выражения субъективно-модальных значений, принадлежащие разным уровням языковой системы: лексическому, словообразовательному, морфологическому, синтаксическому. Будучи одним из аспектов синтаксической категории модальности, субъективная модальность проявляется на уровне предложения, участвует в формировании предикативности. В то же время налицо текстообразующий потенциал названной категории, что требует обращения к вопросам стиля, идиостиля, к изучению проблем языковой личности и способов репрезентации авторского взгляда, субъективного отношения на разных уровнях языка.

Предметом внимания в данной статье являются субъективно-модальные значения в научном тексте, а также специализированные субъективно-модальные операторы (вводные компоненты, модусные рамки, вопросительные высказывания) в пространстве научного лингвистического

произведения, их роль в реализации коммуникативного замысла автора, в построении научных рассуждений.

Общеизвестны стилеобразующие черты научного стиля речи: наличие информативной функции, объективность, доказательность, терминированность, однозначность. Автор научного произведения, как правило, оперирует значительным массивом данных, структурирует их, выстраивает в логической последовательности, выделяет важные моменты своего изложения, маркирует выводы. Важным оказывается указание на преемственный характер научного знания, обращённость к научному опыту предшественников и современников. В ряде случаев требуется указать на предположительный или, напротив, бесспорный характер сообщаемых научных гипотез и положений. Другими словами, объективированный характер научного изложения вовсе не исключает выражения в нём субъективно-модальных значений.

О научной прозе А. Х. Востокова

Материалом для наших наблюдений послужили научные тексты А. Х. Востокова, замечательного российского лингвиста, основателя сравнительно-исторической славистики и создателя авторитетной научной грамматики русского языка. Именно А. Х. Востоков стоит у истоков сравнительно-исторического метода в России:

путём сравнения родственных славянских языков он установил общий источник их происхождения – праславянский язык-основу, выявил фонетические соответствия в области славянских гласных, определил произношение ряда звуков, в их числе редуцированные, ять, носовые. Выдающийся палеограф своего времени, блестящий знаток древних славянских рукописей, А. Х. Востоков предложил периодизацию древнего славянского языка, отражённого в памятниках. Ему принадлежит издание древнейшей датированной рукописи – Остромирова Евангелия 1056–1057 гг., а также описание древних рукописей Румянцевского музея (1842 г.). Учёный создал авторитетную «Русскую грамматику» (1831 г.), по которой обучались гимназисты XIX столетия и материалом для которой послужила современная ему живая речь.

Широкую известность получили его лингвистические и лексикографические труды: «Рассуждение о славянском языке» (1820 г.), «Словарь церковнославянского языка» (1858–1861 гг.), над которым учёный работал более тридцати лет, «Опыт областного великорусского словаря» (1858), «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим памятникам» (1863), «Опыт о русском стихосложении» (1817 г.) и др.

Научный идиостиль А. Х. Востокова раскрывает нам облик неординарного человека, учёного-мыслителя, труженика, который последовательно и неустанно собирал, сравнивал, анализировал факты языка и только путём такого всестороннего анализа приходил к обобщениям, к доказательным выводам. Советский и российский лингвист В. В. Колесов так описывает труд выдающегося учёного: «Постоянная работа в книжных хранилищах, в библиотеках, за письменным столом, купленным по случаю и в рассрочку. Это каторжный труд подвижника, который поставил себе цель – и отверг все соблазны мира. Статский монах, ушедший в мысли...»¹ Многое из

того, что представляется сегодня лингвистическими аксиомами, было обосновано А. Х. Востоковым: взгляд на литературный язык как высшую форму национального языка, понимание исторической изменчивости литературной нормы, утверждение о нетождественном характере языка художественной литературы и литературного языка. Некоторые категории, обозначенные А. Х. Востоковым, становятся предметом дальнейшего обсуждения и изучения. По замечанию В. В. Колесова, «Востоков заглянул в такие глубины языка, что даже мелкие его заметки стали своеобразным толчком для последующих исследований».²

О типах субъективно-модальных значений в научной прозе

А. Х. Востокова

Функционально-семантическое поле субъективной модальности имеет ядерно-периферийную организацию. Ядерным значением выступает значение предположения, одна из разновидностей семантики персуазивности (занимает центральную зону поля). Околоядерную зону поля формируют эвиденциальная модальность (указание на источник информации), модальность обычности, логической оценки, эмоциональной оценки, фатическая (контактоустанавливающая) модальность [1–3]. Преобладание в тексте той или иной модальной семантики во многом обусловлено его стилевой и жанровой принадлежностью, коммуникативными задачами автора.

Проанализированные нами научные произведения относятся к собственно научному и учебно-научному подстилю научного стиля речи. В их числе «Рассуждение о славянском языке», «Опыт о русском стихосложении», «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим памятникам», «Остромирово евангелие 1056–1057 гг.». В фокусе внимания учёного вопросы истории и теории русского языка, лингвистическое наследие прошлого, перспективы развития языко-

¹ Колесов В. В. Судьба Александра Христофоровича Востокова // Русская речь. 1991. № 2. С. 73.

² Там же. С. 77.

вой системы. Большой массив научных данных осмысливается А. Х. Востоковым разнопланово: это не только и не всегда констатация, но и размышление-предположение, сомнение, логическая оценка, авторизующая оценка и пр.

Наиболее продуктивным в модальном поле изучаемых текстов является значение логической оценки. Операторы указанной семантики «обозначают разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению... Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой» [4, с. 606]. В тексте логическая модальность представлена следующими разновидностями:

1) связь с предшествующими и последующими частями текста: *Наречие подлѣгъ, управляющее родительным надежом, как выше сказано, управляет также и винительным* (Грамм., с. 133)¹;

2) способ оформления мысли: *Обычай и предубеждение заставляли их [подражателей], напротив того, почитать мужеския рифмы неблагородными и в шуточных только сочинениях для смеху иногда позволительными; словом сказать, такими, какими новейшая поэзия наша почитает тригласныя рифмы* (Опыт, с. 75–76)²;

3) включение / исключение: *Сверх того, когда несколько глаголов неопределённого наклонения служат дополнительными словами одному глаголу изъявительного наклонения, означающему движение поступательное, то достигабельное окончание употреблялось только при одном или двух первых глаголах неопределённого наклонения...* (Грамм., с. 113); *...Другие языки, например, немецкий или богемский, имеют*

и по два и по три ударения в слове, однако же – прибавить надобно – в неравной степени, ибо у них в каждом слове одно какое-нибудь ударение сильнее или слышнее прочих... (Опыт, с. 96);

4) вывод: *Причастия действительные прошедшего времени спрягаемые названы так потому, что имеют один только именительный падеж и, следовательно, не склоняются, а спрягаются, употребляясь с глаголами вспомогательными, для составления времён сложных и условных* (Грамм., с. 79);

5) иллюстративное значение: *Симеон Полоцкий, который познакомил великороссиян с сим стихосложением, появившимся лет за 40 прежде в Малороссии и Волыни, употреблял в стихах своих не только мужеския и тригласныя рифмы, например, еси, небеси, читателю, искателю...* (Опыт, с. 77–78).

Использование А. Х. Востоковым операторов логической модальности связано с его стремлением установить иерархию рассуждений, выделить ключевые моменты высказывания, сосредоточить внимание собеседника на важной информации, а значит, обеспечить более эффективное понимание текста.

Далее по степени убывания располагается модальный смысл достоверности / недостоверности (персуазивность), отражающий степень полноты и характер знаний говорящего о действительности. Персуазивное значение градуируется от полюса категорической уверенности в сообщаемом до полюса неуверенности, сомнения. В изучаемом материале чаще вербализуется предположительный характер научных фактов: *Так называлась, вероятно, и дочь Ярослава 1-го, бывшая за Гаральдом Норвежским, ибо она у скандинавцев известна под именем Elissif* (Грамм., с. 102); *...Щ было, по-видимому, только сократительное начертание вместо шт, ибо в древнейших рукописях нередко пишется шт вместо щ. Но буква сия произносилась, вероятно, неодинаково всеми славянами: некоторые произносили шт, как ещё и ныне чехи, другие же шч, как русские* (Грамм., с. 4).

¹ Востоков А. Х. Грамматика церковнославянскаго языка, изложенная по древнейшим памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. 135 с. В дальнейшем цитируется в тексте по этому изданию, в скобках указывается сокращённое название и страница.

² Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб.: Морская типография, 1817. 167 с. В дальнейшем цитируется в тексте по этому изданию, в скобках указывается сокращённое название и страница.

В числе продуктивных значений в изучаемых текстах – эвиденциальная модальная семантика, т. е. указание на авторство излагаемой мысли: *По свидетельству Копитаря, сокращения сии встречаются в Ассеманиевом глагольском Ев. XI в. и в Болонской псалтири толковой, писанной в Болгарии между 1185 и 1195 г.* (Грам., с. 72). По словам В. В. Виноградова, эвиденциальные операторы «являются показателями того, что воспроизводимое высказывание приписывается говорящим другому лицу» [4, с. 603]. В текстах А. Х. Востокова эвиденциальный модус содержит указание на третье лицо, что типично для научной речи в целом, является её стилиобразующей чертой, определяется коммуникативной стратегией говорящего: быть объективным, ввести новую информацию, отстраниться от чьего-либо мнения или согласиться с ним, выдвигать гипотезы и т. д.

Менее продуктивным можно считать фатическое модальное значение. В представленных текстах оно менее востребовано, т. к. в большей части они адресованы кругу специалистов или обучающихся по данному предмету, но вовсе не широкой аудитории. Тем не менее А. Х. Востоков считает нужным обратиться к своему читателю с риторическим вопросом, заостряющим внимание на факте, гипотезе, положении, например, так: *Но многие ли из читателей моих слышали пенье русских сказок, например, тех, кои помещены в изданных Г-м Ключаревым Древн. русск. стихотворениях?* (Опыт, с. 152).

Модальность эмоциональной оценки представлена слабо, что, во-первых, соответствует требованиям нейтральности и объективности в текстах научного стиля, а во-вторых, характеризует личность самого лингвиста, мыслящего рационально и доказательно: *А потому и неудивительно, что большая часть тех песен, которые удалось сим образом спасти от забвения, были уже не старше времён Петра I-го* (Опыт, с. 103–104); *Надеюсь, что сими опять примерами довольно объяснил я чи-*

тателю разность стихосложения русско-го, старого и нового (Опыт, с. 138).

Модальное значение обычности непродуктивно в изучаемых текстах, что также в целом соответствует стилиобразующим признакам научной речи, в числе которых безэмоциональность и отвлечённость. С другой стороны, это показательная черта идиостиля самого А. Х. Востокова, отражение его спокойной, аналитичной манеры, последовательности и логичности изложения.

Субъективно-модальные операторы в научном тексте А. Х. Востокова

Широкое понимание категории субъективной модальности позволяет включать в круг её операторов не только лексико-грамматические (вводные компоненты, частицы), но и синтаксические (вводное предложение, риторическое высказывание, конструкции с модусными рамками). В изучаемых текстах субъективная модальность представлена на разных уровнях языковой системы, прежде всего, средствами категории вводимости. Данная категория, справедливо названная П. А. Лекантом [5] коммуникативно-прагматической, предполагает не только вербализацию авторского мнения, отношения, но и видение собеседника, реципиента, адресата сообщения. Именно к нему, воображаемому собеседнику, а возможно, оппоненту, и обращается А. Х. Востоков: *Окончание -ник в старинном Русском, между прочим, присвоено было купцам, посецавшим какие-либо страны: гръчникъ, залозникъ, жукотникъ* (Грам., с. 101); *Некоторые глаголы, как кажется, и вовсе не принимали достигательного окончания, и именно ити, сѣрѣсти, быти* (Грам., с. 114).

В общей массе вводных единиц выделяются следующие семантические группы:

1) с персуазивной семантикой:

а) со значением подчёркнутой уверенности в сообщаемом: *Мы сказали, что новейшие простонародные песни приближаются к стопосложению: и, действительно, на-*

чинает в них господствовать по большей части чистая хореическая мера... (Опыт, с. 136); *Надпись подлинно нерассудительная! Но читатель, без сомнения, не примет сие мудрование иконописца XI века за учение церкви* (Остр. ев., с. 4)¹;

б) со значением неуверенности, предположения: *В некоторых местах, где, по-видимому, винительный падеж сходен с родительным, можно и не принимать оный винительным, а находить прямо родительный падеж* (Грамм., с. 119); *Он [размер], может быть, и употребляется у русских отчасти по тем же родам стихотворения, по коим у греков употреблялся эгегический* (Грамм., с. 124);

2) с эвиденциальным значением: *Сие заимствованное у греков двубуквенное начертание оу для одного несложного звука у, употребляется, как известно, в церковной печати только в начале слов, напр. оуста, оубо...* (Грамм., с. 4);

3) со значением логической оценки:

а) подгруппа «способ оформления мысли» (наиболее многочисленная): *Ижица, или, лучше сказать, безхвостый икъ ѱ, находится и в Остромировом Евангелии, где служит прописною буквою в заглавиях...* (Грамм., с. 4); *Короче сказать: просодический период, простой ли он или сложный, любит оканчиваться понижением или отдыхом голоса* (Опыт, с. 105); *Песенные стихи во всяком языке бывают правильнее, или, лучше сказать, единомернее повествовательных, будучи сочиняемы под лад к музыке* (Опыт, с. 108); *Напротив того, старинным песнотворцам русским рифмы были незнакомы...* (Опыт, с. 135);

б) подгруппа «вывод» (в основном представлена компонентом *следовательно*): *...В 6-ти сложных же стихах только одно слышно ударение: и, следовательно, в тех содержится сложный, а в сих простой просодический период* (Опыт, с. 114); *Таким образом, с тремя частями своими рус-*

ский стих принимает более ста вариаций (Опыт, с. 145);

4) фатические операторы: *Размер сей, повторяю, составлен не для повествований, а для песен, подобно как и все так называемые русские стихи, употребленные новейшими стихотворцами нашими...* (Опыт, с. 163).

Вводные единицы разных групп сближаются по своей модусной природе: не принадлежат диктумной части высказывания и потому лишены грамматических связей с членами предложения, характеризуются морфологической неизменяемостью, особой интонационной и пунктуационной оформленностью, служат специализированным средством выражения субъективных оценок говорящего.

С вводными словами сближаются вводные предложения – специализированное синтаксическое средство субъективной модальности. По мнению В. А. Богородицкого, существуют такие предложения, которые, «будучи совершенно независимыми, вставляются в другое предложение без каких-либо связующих слов, это – так называемые вводные предложения. При произношении они получают особый темп (чаще – более быстрый) и другую силу и тон (тише и ниже)...» [6, с. 303]. Как и вводные слова, вводные предложения имеют модусную природу, их функции аналогичны функциям вводных операторов. В изучаемых научных текстах употребляются преимущественно следующие:

1) с эвиденциальной семантикой: *Но когда мы захотим составлять наподобие древних экзаметр из дактилей и хореев, употребляя последнюю сию стопу вместо недостающего у нас спондея, тогда должны, как мне кажется, с большею строгостью наблюдать чистоту хореев...* (Опыт, с. 56); *Достигательное окончание неопределённого наклонения глаголов действительных управляет родительным падежом вместо винительного, как уже заметил Добровский в § 49 части III своей грамматики* (Грамм., с. 120); *Найденные Копитаром глаголитские отрывки мо-*

¹ Остромирово евангелие 1056–1057 года. СПб: Типография Академии наук, 1843. 294 с. В дальнейшем цитируется в тексте по этому изданию, в скобках указывается сокращённое название и страница.

гут действительно быть современны Остромирову Евангелию, **как полагает учёный издатель оных...** (Остр. ев., с. 4);

2) с персуазивной семантикой: Мера пения во всех сих сказках, **как и должно было предполагать**, соответствует содержанию: приключения богатырей Владимировых поются *allegro, vivace* и тому подобно... (Опыт, с. 155–156); И вообще, **сколь мне известно**, употребляется размер сей наиболее в предметах унывных либо важных, чему может быть причиной его хорейское окончание... (Опыт, с. 125);

3) с логической оценкой: Русский язык, **как мы уже видели в 1-ой части сего опыта**, имеет в каждом слове, сколь бы оно ни было многосложно, по одному только ударению... (Опыт, с. 95).

Не менее продуктивно использование вопросно-ответного комплекса как яркого маркера субъективности, средства диалогизации. Названные структуры заостряют характер поставленной научной проблемы, обнаруживают движение авторской мысли, фиксируют внимание адресата на коммуникативно значимом компоненте высказывания, например:

—... Язык, на который предложены священные книги, не мог быть коренным или первобытным языком всего народа славянского, разделённого тогда на многие племена и на великом пространстве Европы рассеянного: он был наречием одного какого-нибудь племени. **Но какого именно?** – Сербского, – думает учёный Добровский, а с ним и сочинитель помянутого рассуждения (Рассужд.)¹;

– Теперь посмотрим, **которая** из двух стоп нашего экзаметра заслуживает наибольшего в оном употреблении, дактиль или хорей? Язык наш тою и другою стопою равно обилен... (Опыт, с. 59);

– В латинском экзаметр красотою почитается, когда в нём более дактилей, нежели спондеев; немцы, напротив, стараются в своём экзаметре делать спондеев господствующую стопою. **Отчего** такая разность? Очевидно, оттого что латинский язык изобильнее спондеями, нежели дактилями... (Опыт, с. 58–59).

Приведённые контексты включают собственно вопросительные предложения местоимённого типа, демонстрируют риторический приём автокоммуникации, предполагающий вопрос и автокомментирование, при этом вопросительное высказывание концентрирует внимание на определённом аспекте научной проблемы: её причине, цели, признаке и т. д.

Конструкции несобственно вопросительного типа (риторические высказывания) [7] непродуктивны: Однако в древнейшем, какое до нас дошло, произведении русской музыки, в «Слове о полку Игореве», не слышать никакого подобного размера: в нём с начала до конца, как кажется, голая проза? (Опыт, с. 158). В приведённом примере актуализирован субъективный смысл предположения-размышления, он не предполагает вербальной реакции адресата, его функция – суггестивная и контактоустанавливающая. Или: Конечно, за недостатком сей стопы, экзаметр наш всегда останется весьма несовершенным подобием греческого или римского. Но ежели и в сем несовершенном подобии он для эпического стихотворца несравненно выгоднее ямбического или другого какого размера, то **зачем** не присвоить нам его и в таком виде, т. е. заменяя спондеи хорейми? (Опыт, с. 65). Модальное значение предположения-допущения выражается в структуре прономинального риторического высказывания, организованного местоимённым наречным компонентом *зачем* в сочетании с частицей *не*.

Одним из способов репрезентации модуса в научной прозе А. Х. Востокова являются модальные рамки разной семантики и структуры. Использование таких конструкций, где главная часть представляет собой модальную оправу придаточного

¹ Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам (фрагмент) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/vostokov/vost1.htm> (дата обращения: 21.03.2026). В дальнейшем цитируется в тексте по этому источнику, в скобках указывается сокращённое название.

изъяснительного, позволяет автору перенести акцент с диктума на его субъективную оценку: Из приведённых примеров *попиша, просяще* **видно, что** достигаемое окончание употреблено даже с глаголами, не означающими ни движения поступательного, ни приведения в таковое движение... (Грамм., с. 113); **Правда, что** и русский простонародный язык весьма несхожен стал не только со славянским, но даже с русским же книжным языком, обогатившимся многими словами из церковнославянского... (Рассужд.).

Своеобразие указанных сложных конструкций становится объектом изучения в большом числе работ (В. Г. Гака, Н. Д. Арутюновой, Т. В. Шмельевой, Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и др.), при этом авторы характеризуют главную часть таких построений, как субъективный зачин, модальный комментарий к предложению. Строение и семантика модусных рамок разнообразны. Среди них персуазивные, эмоционально-оценочные, эвиденциальные, соотносимые по структуре с предложениями разных типов:

1) с односоставным определённо-личным: **Сомневаюсь, чтобы** из тысячи одному доходили когда до слуха тоны сих старинных русских рапсодий, раздающиеся кое-где в отдаленных губерниях России (Опыт, с. 153); **Льщусь надеждою, что** сей труд может быть полезен не только при составлении этимологического словаря славянского, коему грамматика необходимо должна предшествовать, но также при будущем исправлении или пополнении и грамматик в новых языках, происшедших от славянского (Рассужд.);

2) с односоставным неопределённо-личным: **Скажут мне, что** можно придавать сей мере большее разнообразие, перемещая и умножая иногда ударение... (Опыт, с. 163);

3) с односоставным безличным разных подтипов, например:

а) связочно-именного: **Очень вероятно, что** отцы стихотворства греческого: Гомер, Гесиод и другие, для тех же причин и таким же точно образом переименовая в

стихах обыкновенный прозаический язык, составили себе свои *licentia poetica*, свой *dialectus poeticus*, принятые последователями их за закон (Опыт, с. 147);

б) связочно-модально-инфинитивного подтипа: В древних рукописях встречается употребление *ѣи* вместо *ѣл*, напр. в Григ. Богосл. XI в., **почему можно полагать, что** *ѣл* есть сократительное начертание вместо *ѣи* (Грамм., с. 5); По начертанию **можно было бы полагать, что** ю произносилось как *ю* или *е*, но на это нет доказательств (Грамм., с. 2);

4) с двусоставным предложением: **Но тем удивительнее то, что** основа сия столь ощутительна при чтении стихов, кои, конечно, для пения собственно, а не для чтения сочинены, в одно время с их голосами! (Опыт, с. 155); **Добровский различает предлоги о и обь, полагая, что** обь управляет винительным, а о местным падежом, но этого различия не существовало (Грамм., с. 133), в том числе неполным: **Известно, что** таковым несколькими слов соединением под одно просодическое начало, или под одну силу, способствуется выразительность речи, как в обыкновенном разговоре, так и в возгласении (декламации) (Опыт, с. 105).

Как видно из приведённых примеров, субъектная валентность модуса различна: в примерах 1 и 4 он определённый, при этом может как совпадать (1), так и не совпадать с субъектом речи (4). В модусных рамках безличной структуры (3а, 3б) субъект лишён определённости и может уточняться только косвенными показателями. Значимую роль играют второстепенные члены, способные корректировать, в частности, персуазивное значение, сдвигая пропозицию к полюсу уверенности или, наоборот, неуверенности: *Гармония же сия наиболее слышна в старинных песнях: и даже безошибочно можно утвердить, что* чем стариннее песня, тем чище и правильнее в ней соблюдалась сия форма ударятельного или русского стихосложения (Опыт, с. 134–135) – качественное наречие безошибочно усиливает модальное значение

акцентированной уверенности; По сему почти заключать можно, что во время Константина и Мефодия все племена славянские, как западные, так и восточные, могли разумеать друг друга так же легко, как теперь, например, архангелогородец или донской житель разумеет москвича или сибиряка (Рассужд.) – наречие степени почти сдвигает пропозицию к полюсу неуверенности в сообщаемом.

Есть среди модусных рамок и любимые. В их числе видно, что, с помощью которой Востоков маркирует обобщение, вывод: Из сих же примеров **видно, что** кавычка влево обращенная пишется над -ьмъ, а оборотная кавычка над гласными, начинающимися слог (Грамм., с. 6); Между тем **видно** по рукописям XIV даже столетия, **что** сей язык, на который предложены библейские книги, был не только у сербов, как полагает Добровский, но и у русских славян едва ли не в общенародном употреблении! (Рассужд.).

А также модальная рамка надобно заметить с контактоустанавливающим значением: **Надобно, однако, заметить, что** первые вводители силлабического стихосложения не исключали из стихов своих мужеския и тригласныя рифмы... (Опыт, с. 76); **Заметить, однако, надобно, что** свойственные греческой и римской поэзии, а с них и в новейшую нашу поэзию вошедшия разноски слов (*inversions*) и переносы из одного стиха в другой (*enjambements*) в русских стихах совсем не позволительны... (Опыт, с. 150). Часто в составе указанной модусной рамки оказывается вводный оператор **однако**, осложняющий фатическое значение добавочным субъективным значением противопоставления ранее сказанному.

Разноуровневые модальные операторы комбинируются в пределах сложного синтаксического целого, обеспечивая его модальную напряжённость: *Это послесловие во многих отношениях любопытно. Во-первых, оно подтверждает свидетельство издателей Острожской Библии, о древности перевода ветхозаветных книг, который, вероятно, сделан был в IX веке, в одно время с переводом Евангелия, псал-*

*тыря и других церковных книг, приписываемых Кириллу и Мефодию. Слова искоуриловице не значат ли: из книги, писанной Кириллом? У южных славян, как известно, кириллицею называется азбука, изобретённая Кириллом, в противоположность буквице, глаголитской азбуке! – Другое любопытное обстоятельство представляется тут в имени попа: Упиръ лихый. Упиръ, и ныне в Малороссии упирь, есть известное южным славянам страшилище Вампир. Из сего видно, что оно знакомо было и новгородским славянам, у которых прозвище упиръ лихый, вероятно, означало род порицания или насмешки за некрасоту лица! (Остр. ев., с. 3). Процесс осмысления научных фактов маркируется в контексте оператором логической оценки *во-первых*, имеющим реляционную семантику, персуазивом *вероятно*, эвиденциальным оператором *как известно*. Вероятностную оценку усиливает риторическое высказывание партикулярного типа с частицей *ли*. Уверенность автора в собственных наблюдениях подтверждается использованием модусной рамки *видно, что*.*

Заключение

Размышляя о способах вербализации субъективно-модальных оценок в научной прозе А. Х. Востокова, уместно привести высказывание Ю. Н. Караулова о том, что «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [8, с. 38]. Языковая личность А. Х. Востокова, личность неординарного учёного, мыслителя, проявляет себя, в частности, в отборе и использовании средств субъективной модальности. С одной стороны, эти средства типичны для научной речи в целом, отвечают её стилиобразующим требованиям, с другой – являются приметам индивидуально-авторской манеры, позволяют услышать уникальный голос автора, голос, который доносится до нас сквозь время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нагорный И. И. Модальные частицы и языковая личность говорящего // Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: Государственный университет просвещения, 2024. С. 74–79.
2. Орехова Е. Н. Субъективная модальность научных произведений Л. В. Щербы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 36–46. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-36-46.
3. Орехова Е. Н. Эвиденциальная модальность в научном лингвистическом тексте // Лекантовские чтения – 2021 : материалы Международной научной конференции (г. Москва, 22 ноября 2021 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 317–321.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 783 с.
5. Лекант П. А. Вводность – коммуникативно-прагматическая категория // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Московский государственный областной университет, 2002. С. 130–133.
6. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики: из университетских чтений. 6-е изд. М.: КомКнига, 2005. 556 с.
7. Канафьева А. В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. М.: Московский государственный областной университет, 2011. 200 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

REFERENCES

1. Nagorny, I. I. (2024). Modal Particles and the Linguistic Personality of the Speaker. In: *Lekant Readings – 2024: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 18, 2024)*. Moscow: Federal State University of Education publ., pp. 74–79 (in Russ.).
2. Orekhova, E. N. (2021). Subjective Modality in L. V. Shcherba's Scientific Works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 5, 36–46. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-36-46 (in Russ.).
3. Orekhova, E. N. (2021). Evidential Modality in Scientific Linguistic Text. In: *Lekant Readings – 2021: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 22, 2021)*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 317–321 (in Russ.).
4. Vinogradov, V. V. (1947). *The Russian Language. A Grammatical Doctrine of the Word*. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz publ. (in Russ.).
5. Lekant, P. A. (2002). Introduction as a Communicative-Pragmatic Category. In: Lekant, P. A. *Essays on the Grammar of the Russian Language*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 130–133 (in Russ.).
6. Bogoroditsky, V. A. (2005). *General Course of Russian Grammar: From University Readings*. Moscow: KomKniga publ. (in Russ.).
7. Kanafyeva, A. V. (2011). *Rhetorical Statement: Forms, Semantics, Functions*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
8. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian Language and Language Personality*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Орехова Елена Николаевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения; e-mail: toptygina@gmail.com

Топтыгина Ольга Николаевна (г. Люберцы) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии; e-mail: olentop@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena N. Orekhova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education
e-mail: toptygina@gmail.com

Olga N. Toptygina (Lyubertsy) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Humanitarian Disciplines, Russian Customs Academy;
e-mail: olentop@rambler.ru